

В.К. Харченко
доктор филологических наук

**ЛИЧНОСТЬ ПОЭТА-ПЕРЕВОДЧИКА:
ЗНАКОМСТВО С НОВЫМИ ИМЕНАМИ**
Поэтическое слово Марии Ткачивской

Составным, естественным и ожидаемым аспектом деятельности филолога является изучение и популяризация творчества писателей и поэтов, живущих не только в его стране и в его области (соотечественников и земляков), но и живущих в соседних государствах. Эта миссия филолога-профессионала далеко не всегда и не всеми осознается в своей значимости и актуальности. Аналогичная недооценка складывается при проведении международных научных конференций и международных поэтических фестивалей: чем “отдаленнее” живет приглашённый, приехавший выступающий, тем престижнее будто бы смотрится само “мероприятие”. И, тем не менее, подобный миф о престижности необходимо, если не разрушать, то корректировать. На эту мысль нас натолкнуло участие в XXI Международном поэтическом фестивале в Польше (г. Ополе, ноябрь 2010 г.), когда было наглядно продемонстрировано, какое уважение оказывается поэтам, живущим в соседних государствах, причём приглашение этих поэтов давно стало неотъемлемой частью международного фестиваля. Кстати, там мы и познакомились с Марией Ткачивской и стали свидетелями успеха выступлений этой поэтессы, почему и зародилась мысль обратиться к ее творчеству в более полном объеме.

Несколько обобщая, подчеркнём, что для собственно филологических изысканий, для постраничного, построчного анализа целесообразно брать творчество таких авторов, которые пока еще не получили должного признания (точнее, не получили признания, адекватного их успехам на весьма сложном, в том числе и для критических оценок, поэтическом поприще.

К Марии Ткачивской сказанное равно относится и – не относится. С одной стороны, сочетая творчество (вечерами, ночами) с ежедневной интенсивной работой преподавателя-германиста, поэтесса книги издает, как правило, за свой счет, для этого за лето на-

до успеть хорошо подзаработать, то есть даже отпуск отнюдь не посвящать отдыху. Кстати, самофинансирование сейчас, увы, общемировая практика, в чем мы убедились, общаясь с поэтами из самых разных европейских стран на том самом фестивале в Ополе. Но, с другой стороны, Мария Ткачивская уже стала лауреатом премии им. Ивана Франка (2006), лауреатом конкурса “Коронация слова” (2007), лауреатом премии им. В. Стефаника.

Интересно, пожалуй, и то, что Мария даже в юности не публиковала стихов в газетах и журналах, как это обычно бывает задолго до идеи поэтического сборника. Нет, и тогда, и сейчас сразу пишется книга, стихи сразу же упаковываются в сборник, начинают взаимодействовать друг с другом, доказывая художественную бесконечность образно-поискового, метафорического прочтения действительности. Не случайно в лингвистике существует концепция рассмотрения и отдельного сборника стихов, и всего творчества того или иного поэта как единого текста.

Мария Ткачивская родилась 11 августа 1965 г. в селе Сокол Галицкого района Ивано-Франковской области. Детство провела в Ивано-Франковске. “Я начала писать еще до школы, очень рано научилась писать, так как Петр (брат, старше Марии на три года) ходил в школу, а младшие быстро схватывают от старших. Все время садилась на качели и что-то себе сочиняла. *Всё ко мне приходило на качельке...*”). Как научилась писать, так и стала писать стихи. Закончила в Ивано-Франковске школу № 5 с углубленным изучением немецкого языка, поступила в Черновицкий университет на факультет иностранных языков, который закончила в 1987 г. с отличием и два года проработала по направлению. После тяжелой болезни (“*Бог помог мне выжить*”) перешла на работу в техникум электроприборов. *И вот уже 20 лет преподаю на кафедре немецкой филологии факультета иностранных языков. Веду кафедру иностранных языков и перевода при Институте истории и политологии. Эту кафедру сделали для международных отношений на базе кафедры международных отношений. Стихи писала все время. Первая книга вышла в 1994 г., сейчас пять книг изданы (два сборника поэзии и три книги прозы) и четыре книги еще не изданы (две прозы и два поэтических сборника).* Мария Ткачивская защитила кандидатскую

диссертацию по специальности 10.02.04 – германские языки (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А.Н. Приходько). Поэтесса еще и профессиональный филолог.

Для своего анализа мы выбрали названный по одноименному стихотворению сборник поэтессы “Переполненный экспресс” [Ткачівська, 1999] как материал уже апробированный, отстоявшийся, известный читателям.

Общее для сборника название отличается эмоциональной точностью. Переполненность пережитым, прочувствованным, сохранение этой переполненности при всё возрастающей стремительности жизни выражает главную особенность творчества поэтессы, подоснову буквально каждого стихотворения. По ассоциации вспоминаются пушкинское “*Душа полна тобой...*” и биографический роман Агнии Кузнецовой о Натали “*Переполненная чаша*”. “Техническое” слово “экспресс” в названии – сигнал, знак, след современности с её ритмом и скоростью. *Все тисне, давить, наче прес-с, / Повітря, рухи, слово, дотик, / І ти, мов електричний дротик, / Гориш у світі антитез.*

Название сборника сопряжено с названиями четырех его составных частей, разделов, центральными из которых являются “Дистанция факира” и “Слеза не вада”. В этих разделах – наиболее пронзительные стихотворения, строфы, строки.

Обличчя вимію в грозі, / Скупаю рани. Сльоза загубиться в сльозі – І легше стане! (“Сльоза – не вада”).

Та ні! Прорви між нами Тишу! / Слава замерзла, мов грудки. / Я занімію, подих стиху, / Та дрібно сипляться гудки... (“Телефоний дзвінок”)

В клубочок згорнеться тепло, / Сльоза застигне, мов смарагд. / І як би гірко не було – / Любов не слухас порад (“Любов не слухас порад...”).

Ещё И. Кант заметил, как трудно удержаться сознанию в позиции *hic et nunc* (здесь и сейчас), мы соскальзываем с того, что видим и чем живём в настоящую минуту, заботясь о будущем или переживая только что случившееся. *Здесь и сейчас* – особая философия мировосприятия. Об этом пишет М.К. Мамардашвили, подчёркивая, что *hic et nunc* у Канта является привилегированной точкой [Мама-

рдашвили, 1997: 130, 295]. Высокая эмоциональность, энергия чувства, запечатлённая в поэтическом слове поэтессы, отчасти объясняется опорой на принцип “здесь и сейчас”.

Вже прощатися час, ми закинені в клекіт перрону, / Під цей купол вокзальний, що мов величезний торшер. / Ми хапаємо Мить, мов останню краплинку озону, / Та сумлінний гудок все стирає, немов ретушер (“На вокзалі”).

Тут я І ти! І ти, І я! Ми – поряд! / І две метелики – мої й твої уста! / І ніжність рук – то ніжність хвиль у морі! І ніч така краєсива й молода! (“Берізка одягла звабливу рясу...”).

Вместе с тем, несмотря на подчёркнутую привязку к моменту и месту, поэзия, об этом писал еще В.Г. Белинский, превосходит действительность. Но для такого превосходства, чтобы окружающее читалось осколками стихотворений, поэзия должна обладать феноменальным словарем; надежным запасом хода. Богатство словаря отличает талантливого поэта от не очень талантливого.

На протяжении последних двадцати лет в лингвистике разрабатывается концепция языковой личности. Это терминологическое понятие в принципе можно приложить к любому носителю языка, но поэт – это всегда удвоенная, утроенная, если не удесятерённая языковая личность, прорабатывающая дополнительные смыслы и формы в языковом материале. Собственно, поэт создает язык для самого главного нашего “безъязычия”, а именно: для ускользающих, столь часто непонятных, невыразимых чувств, во-первых, и для чувств разрушающе сильных, аффектированных, во-вторых. По Гарольду Блуму, сильные поэты (*strong poets*) создают словарь, тогда как все остальные пользуются уже готовым, апробированным словарем.

Рассмотрим детальнее, как и какой словарь создает Мария Ткачивская. Умело разрабатывает поэтесса сквозную для всего сборника авторскую метафору “дистанция факира”: *Хоч в тебе зір і пазурі орла, / Ти все ж тримай дистанцію факіра.* – так завершается стихотворение “Дистанция факира”. *Давай зіграємо! Твоя трясеться шкіра? / Яка в двох змій дистанція факіра?!* (“Страх королів”). Стихотворения, построенные на “змеиных” метафорах, полиэмоциональны и поликогнитивны. Например, стихотворение “Так часто”.

Сравним эпиграф, первую строфу и заключительное двустипхие. Эпиграф: *Що краще – грати? Чи змію притнути? / Чи бути хворим присмаком отрути?* Первая строфа: *Як часто ти – факір прерізних змій, / Ти змушений комусь наївно грати. / Тобі не хочеться? Не можеш? Боже мій, / Себе тобі не вперш переступати!* Итоговая строфа: *Ти віриш в себе! Вмієш, можеш, / Але не завжди Розум переможе!* Здесь и приятие всегда непредсказуемой судьбы, и подбадривающее напутствие (*не вперш, то есть не впервой*), и предостережение.

Пересечение метафор в стихах, например возвращение к метафорическому образу короля, добавляет богатства восприятия. Сравним: *Король сухий виходить із води! / Та платиш ти або такий, як ти!* (“Перекладена вина”). *Слуго! Клич Королів! Сурми у ріг! / Але не всіх зови їх! Ні! Не всіх!* (эпиграф к разделу).

Богатство словаря проявляется и в именах собственных, привлекаемых в конкретику образного строя стихотворения. Это космонины, например, созвездие Пса, которое послушно залижет раны, *якщо розлюбиш ти мене!* Это урбанонимы – названия улиц, замков, “мест” того или иного города: *Бо ти досі лежиш до Високого Замку у Львові! / Бо я досі крадусь у Садгирські мої Черниці* (“Сім’я”). Из нарицательных имен отметим лексику прошлых эпох *реверанс, канделябр*, привлекаемую автором для подчеркнута экспрессивной образности. В реверансах фиалки *схиляють* (склоняют) головки свои; лишь сорока сидит *непохитним, струнким* (неподвижным, стройным) канделябром (“Ми вдвох”).

В стихах Марии Ткачивской часто встречается музыкальная лексика: (утренней бабочке:) *продиржируй нам прелюдию любви ...* И далее: *Ця музика – два сольні голоси, / Це вже оркестр неспіваної долі. / Пюпітром стати щастя попроси, / Лиш не вітрів, що розгулялись в полі!* В стихотворении “Лист тобі” музыкальный термин украшает последнюю строку: *В аллегро струнує постскриптум: P.S. Люблю.* Лексикон поэтессы – это еще и термины точных наук, например, химии: *Язык – це лакмус смаку. Суть чітка. / Та Розум – лакмус языка* (“Делікатеси”). Или другой термин в самом начале стиха: *Індиферентність – звичка навуків...* (“Ненаситність”). На диминутивах выстроено небольшое стихотворение

“Листи” (біленькі, між рядками в конвертику). Использует поэтесса техническую метафору в неожиданном контексте, совмещая с гиперболой, диминутивом и риторикой: *У чому щастя? – В дзьобі чи крилі..? / В маленькім серденьку – таке людське чеканя! / Таке? Та чи збагнути на землі / Тисячовольтну лінію кохання!* (“Лелече сватання”).

Поэзия – искусство безнадежно семантическое, – писал И. Бродский. Поэзия может многое открывать в слове, но чем больше слов в ее распоряжении, тем точнее сам выбор единственного, окончательного варианта.

Космонимы, урбанонимы, архаизмы и историзмы, музыкальные образы, термины точных наук, диминутивы – мы перечисляем и иллюстрируем сказанное отнюдь не по принципу: кто из поэтов больше интересного и свежего подарит языку своим новым стихотворением. Главное для настоящего поэта – вырваться из привычного скольжения повседневной речи как следствия “повседневного” мышления. Приведём любопытный диалог из лирической повести Сергея Боброва “Мальчики”. Отец читает взрослому сыну любимую поэму “Садко”, и на вопрос сына: почему не “венцианский”, а “венецианский”, отвечает весьма точной формулой: *“Ну, во-первых... чтобы это было стариннее... то есть, понимаешь, русское, потом в стихах выходит лучше... и вообще ведь это поэзия... н-ну... вообще... не так, как всегда”*. “Не так, как всегда” – вот это-то и было самое главное, что я живо и радостно ощущал. Только я не умел сказать” [Жуховицкий, 2000: 106].

То, что поэтическое слово и должно быть загадочно и “непонятно”, как заклинание, пишут исследователи и критики, однако поэтесса не стремится ни к упрощению, ни, тем более, к намеренному усложнению материи языка, а стремится, что мы уже не единожды пытались показать, проиллюстрировать, к поэтической формуле. *Ось – деревце. Щороку плід, росток. / Але за рік лише один виток* (“Еволюція досвіду”). *Та скільки б крил не з’їв павук неситий – / Ніколи сам не зможе полетіти* (“Ненаситність”).

Большой, очень большой запас слов нужен поэту, поскольку поэт говорит за нас, “безъязыких” – не в смысле “не умеющих хорошо говорить”, а в смысле “постоянно занятых, захваченных

инными заботами”. Но “нас”, реципиентов поэзии много, поэтому и нужен богатый словарь, чтобы “зацепить” каждого, коль скоро слово должно сработать ещё и как пароль: “Мы с тобой одной крови”. Эта задача тем более трудна (и прекрасна), что немногие интересуются сейчас стихами, в отличие, например, от Греции, где быть поэтом престижно, или от Германии, где возрождают интерес к поэзии, развешивая в людных местах плакаты со стихами. Невостребованность; непрестижность поэзии отчасти объясняется парадоксом: информация стала доступной, а значит, можно не спешить ни с запросом её, ни, тем более, с её усвоением. Доступность, а значит, заведомая обильность информации ставит под угрозу процедуру самопрезентации собственного “я” принимающей стороны. “Тут, конечно, надо учитывать, что слово психотерапевтично; исповедь облегчает страдание, словесное обсуждение окружающей действительности есть один из способов иллюзорного дистанцирования от неё. Запрет на слово есть запрет на дистанцирование – что, с одной стороны побуждает человека “принять” действительность и стать её верным подданным, а с другой стороны, делает столкновение с реальностью травматичной и может привести к эксцессам...” [Фрумкин, 2000: 140].

Задача поэта – добиться, чтобы его слушатель заговорил сам, но заговорил ещё и новыми словесными формулами. Отсюда стремление у “сильных поэтов” к обогащению словаря национального языка, развитию, разработке его афористичности. У Марии Ткачивской афористичность пронизывает и деталь внутреннего портрета (*Ты начебто ще завсім не спінець, / Та очі вже навчилися не бачить* (“Прощення”), и развёрнутое напутствие: *Маскуйся, / перефарбовуйся, / Перевтілюйся, / Старанно зашпаклювуй / кожну щонайменшу шпаринку своєї душі, / щоб ніхто і ніколи не зміг знайти / жодної твоєї слабінки, / яку зумів в зручний час / викоростати проти тебе*. Кстати, о своей прозе Мария Ткачивская говорит так: “Это философская проза, в которой есть много афоризмов, – это то, что я люблю”. Тяга к афоризмам хорошо представлена в анализируемом поэтическом сборнике. И это очень важно, так как создать (и утвердить, закрепить в языке,

“прописать”!) новое слово трудно, но создать метафору, создать афоризм – это и значит обогатить своим стихом не только поэзию страны и современности, но и языковую ткань, доступную, если не для всех, то для многих в красивом и подчас парадоксальном ее блеске.

Умело пользуется поэтесса уникальными экспрессиями сильных позиций текста, даже небольшого текста – стихотворения. К сильным позициям относятся: название, эпиграф, первое предложение, последнее предложение (строфа или в прозаических текстах – абзац. Приведем примеры из сборника. Название стихотворения: “Страх королів”.

Эпиграф: *Дев'ятий вал тебе не розсіче, / Якщо ти страх на Розум перетчеш.* Первая строка: *Вже страх прижився на спітнілім лобі, / Що уночі заснути не дає...* Последние строки: *Давай зіграємо! Твоя трясеться шкіра? / Яка в двох змії дистанція факіра?!* Но Мария Ткачивская разрабатывает и свою собственную сильную позицию текста: вынося в конец стихотворения “постскрипtum” (P.S.), причем замыкающий афоризм в позиции постскриптума нередко опрокидывает то, о чем будто бы шла речь, своим содержанием противопоставляется “верхним” нотам стиха.

Зависло слово у душі... – начало (и название) стихотворения. Последний фрагмент, поэтическое резюме: *Хто б це не був – чи ти, чи мова – / Пече небережність слова!* Постскрипtum самого первого стихотворения в сборнике строится на геометрической метафоре: *...Компроміс не підмінює долі / В строго змірянім циркулем колі (“Я живу за законами совісті...”)*.

Многие стихи Марии Ткачивской афористичны. Афоризм рождается из метафоры, метафора – из афоризма, но строгой привязки здесь нет. Афористична подчас подчеркнута простая мысль, играющая не на метафоре, а на антитезе: *Хіба любов – примирення із кимось, А Нелюбов – примирення з собою?* (“Хіба буває вірність незалежна?”). Афористична социальная тематика сборника. *Потрібний нам не лікар, а етнолог; / В хворобах людства спрощений секрет: / Не кожне серце зцілить кардіолог! / Не кожну згорбленість лікує ортопед!* (Епілог I).

Мы все восхищаемся украинскими песнями, а украинской поэзией подчас не восхищаемся только потому, что не знаем ее, тогда как эта поэзия вырастает на тех же тонких, эмоциональных, певучих, хватающих за душу мелодиях. Обратимся к следующим строфам и строкам: *Ти молився на час, не змикаючи віч, / Щоби зранку шепнуть: "Добрий ранок, кохана!" ... Та тепер я готова роками іти, / Щоб тобі відповісти: "Добридень, коханий!"*. В таких строках следы, отзвуки, реминисценции украинских песен. Приведем еще две песенные строки: *Любов щоразу в зірку перерождена, / Прихилить світло до твого вікна* ("Палаю, зваблена тобою...").

При всем разнообразии лексики, при сложном и совмещенном интонационном рисунке поэзия Марии Ткачивской отличается высокой простотой, хорошо ложится на запоминание. Те же антитезы, метафоры, афоризмы работают на мнемоническую технику стихотворений, всегда небольших по объему – меньше страницы, как обычная песня из трех куплетов: не забудешь, споешь. *Злечу й втечу у Світ Твоїх Очей. / І, хоч "Люблю" звучить комусь заучено, Та все ж – люблю! Люблю! Люблю! І ще / Я за твоєю ніжністю заскучила!* ("Що там бальзам, а чи ковток вина...").

В самом начале мы писали, что поэтесса не торопится опубликовать отдельное стихотворение, а собирает сборник. Это можно делать формально: стихотворение к стихотворению, но Мария Ткачивская создает книгу стихов, и, разбирая отдельные стихи, мы демонстрировали эту цельность "книжность" сборника, удачно названного "Переполненный экспресс" с удачным названием еще и разделов, например: "Дистанция факира".

Мы повторяем про выигрышные названия потому, что, во-первых, уже пытались выше доказать соответствие этих названий содержанию многих стихов, строф, строк, во-вторых, потому, что, по мысли Леонида Жуховицкого, названия книг могут начать жить еще и самостоятельной жизнью; уже в отрыве от текста, за ним стоящего и этим названием структурируемого, наконец, в-третьих, потому, что классические названия исключительно музыкальны: "*Евгений Онегин*" – "*зедь это прекрасно инструмен-*

тованная поэтическая строка! Хорошие заглавия надо собирать и хранить” [Жуховицкий, 2000: 19]. Мария Ткачивская много работает над сильной позицией названия сборника, раздела, стихотворения.

Книги вырастают из книг, а проза нередко вызревает внутри сжатого, пульсирующего стихотворения. Рано или поздно поэт обращается к прозе. Мария Ткачивская стала автором романа, истоки которого легко обнаружить в рамочных, первом и четвертом, разделах поэтического анализируемого сборника. В романе “Держи меня, коток” (М. Ткачивская этот роман считает наиболее сильной своей книгой) речь идет об украинской женщине, вынужденной зарабатывать деньги за границей: “Как она могла мастерить свою жизнь...”. Там есть описания Португалии, Испании, Франции, как в тех цивилизованных странах относятся к украинцам, как их могут унижить. Героиня выходит замуж за итальянца и помогает своему тяжело больному мужу выжить, отдает ему деньги, и оба остаются живыми. (“Я плакала, когда писала”). Там есть сценка, как богатые между собой разговаривают, какое кольцо купить для собаки. Вспоминается в связи с этим пронзительная повесть современного писателя Бориса Екимова “Предполагаем жить” (Новый мир, 2008, № 5–6), где тоже говорится о собаках, парикмахерских для собак и о тех, кто вызывает о помощи.

Что еще значимо? Поэтесса сама же переводит стихи на немецкий язык и вообще хорошо ориентируется в иноязыковой среде, и это тоже важнейшее условие творчества и бытия языковой личности.

Литература

1. Бобров С.П. Мальчик: Лирическая повесть / С.П. Бобров. – М. : Советский писатель, 1966. – 296 с.

2. Жуховицкий Л. В каждом человеке живёт свой Моцарт... Главы из книги “Писатель за 10 часов” / Л. Жуховицкий // Книжное обозрение. – 2000. – 14 авг. – С. 18–19.

3. Мамардашвили М.К. Кантианские вариации / М.К. Мамардашвили. – М. : Аграф, 1997. – 320 с.

4. Ткачівська М. Переповнений експрес / М. Ткачівська. – Івано-Франківськ : Лілея-НВ, 1999. – 104 с.

5. Фрумкин К. О загадочном удовольствии говорит / К. Фрумкин // Нева. – 2010. – № 12. – С. 139–146.